

Гу Суйчжи сполна вкусил плоды собственного коварства.

Стоило Линь Му бросить ту колкую фразу, как он перестал обращать на него всякое внимание. Собрав вещи, юноша покинул постоялый двор и продолжил путь.

Всю дорогу евнух из кожи вон лез, пытаясь загладить вину: то рассыпался в искренних извинениях, то заводил пустые разговоры, то пытался поддеть или развеселить спутника. Он даже начал прикидываться несчастным и голодным, жалуясь на пустой желудок... Гу Суйчжи успел обсудить все придорожные кусты и травинки, но так и не дождался от Линь Му ни слова.

Даже его обычная манера напрашиваться на оплеуху не возымела действия!

Привычная небрежная усмешка на лице Гу Суйчжи постепенно таяла.

Мо Сюнь закончил трапезу в компании Мо Хэмяо и Фан Лина. Возвращаться в покои ему совсем не хотелось, и Второй брат предложил прогуляться.

Они брели сквозь шумный рынок. По обе стороны дороги тянулись бесконечные ряды лавок: здесь торговали сладостями, там — украшениями и румянами, дальше пестрели ткани, обувь, свитки с каллиграфией и картины.

Мо Сюню всё казалось в диковинку. Он то и дело замирал, разглядывая безделушки, и так и норовил потрогать каждую вещь. У одного из лотков юноша остановился, заметив простое медное кольцо, перевязанное красной нитью.

Когда-то у него было похожее. Только золотое.

Оно принадлежало его бабушке, та оставила его матери, а та, поскольку кольцо было ей велико, обмотала его изнутри алой ниткой в несколько слоёв. После смерти матери оно перешло к нему.

На мгновение Мо Сюнь забылся, погрузившись в воспоминания. Придя в себя, он заметил, что Мо Хэмяо и Фан Лин смотрят на него с недоумением.

— Дурачок, тебе нравится это? — спросил Второй брат.

Мо Сюнь не ответил. Глуповато хихикнув, он потянул кольцо в рот. Хозяин лавки, уже

предвкушавший выгодную сделку, от испуга подскочил на месте, собираясь перехватить руку маленького принца.

Мо Хэмяо тоже засуетился:

— Брось сейчас же! Это не еда!

Но чья-то рука оказалась быстрее. Фан Лин ловко выхватил кольцо из пальцев юноши.

Мо Сюнь растерянно посмотрел на свою пустую ладонь, а затем на хмурого Фан Лина.

— Не тяни в рот что попало! — отрезал молодой маркиз. — Это нельзя есть!

— О-о... — протянул Мо Сюнь. Он повернулся к Мо Хэмяо: — Второй братец, а можно мне его купить?

— Это всего лишь грубое кольцо, зачем оно тебе? — отозвался тот. — Позже Второй брат подарит тебе что-нибудь получше.

Мо Сюнь тут же послушно закивал:

— Что? Второй брат подарит мне гору золота, серебра и кучу игрушек? Тогда это мне не нужно.

— И каким это ухом ты такое услышал? — Мо Хэмяо лишился дара речи.

— Я услышал это всеми четырьмя ушами!

— ...

Заметив, что Второй брат снова заносит веер, Мо Сюнь со смехом приготовился запрыгнуть ему на спину. В этот момент Фан Лин протянул торговцу горсть монет:

— Я забираю это.

Он взял медное кольцо и бросил его принцу:

— На.

Мо Сюнь бережно сжал вещицу в ладонях:

— Мо-Мо и ты — друзья, живи до ста лет!

Фан Лин невольно усмехнулся, хотя в глазах читалось лёгкое замешательство:

— Пустяки.

Мо Сюнь улыбнулся и уже хотел что-то добавить, как вдруг принялся. От соседнего лотка потянуло ароматом — там только что достали из печи свежий печёный батат. Заметив, как загорелись глаза юноши, Фан Лин снова невольно улыбнулся.

Он подошёл к торговцу и через минуту вернулся с огромным, исходящим паром клубнем.

Мо Хэмяо тяжело вздохнул, и в его голосе послышалась напускная обида:

— И впрямь, дуракам всегда везёт. Я тут, понимаешь, глазами всюю поедаю те бинтанхулу, а мне никто не покупает.

— Тогда я схожу и куплю, — отозвался Фан Лин.

— Не нужно, не нужно, — остановил его принц. — Я просто смотрю.

Мо Сюнь, по-прежнему висая на спине Второго брата, отломил кусок горячего батата и сунул ему в рот:

— Второй братец, ешь.

Тот хотел было отказаться, но всё же со смехом принял угощение. Мо Сюнь отломил ещё кусок и протянул Фан Лину. Молодой маркиз, помедлив и слегка нахмурившись, всё же взял лакомство.

Они прошли ещё немного, но не успели обойти и половины рынка, как у Мо Хэмяо разболелась нога. Троица нашла ближайший чайный прилавок и устроилась там.

Едва они заняли места, Мо Сюнь, не слушая возражений слуг, опустился на колени и принялся разминать брату ногу. Обычно Мо Хэмяо никому не позволял касаться своей увечной конечности, но сейчас боль была слишком сильной. Он лишь пару раз слабо дёрнулся, но, видя, что Мо Сюнь не отступает, вытянул правую ногу, позволяя юноше продолжить.

Прошло около четверти часа, и лицо Второго принца наконец разгладилось. Он помог Мо Сюню подняться:

— Всё, достаточно.

— Уже не болит?

— Намного лучше, — кивнул Мо Хэмяо. — Надо же, дурачок, откуда у тебя такое умение?

— Ну, — отозвался Мо Сюнь, — это всё потому, что я часто ходил на массаж к слепым. Знаешь, что это такое? Это такая чудесная маленькая тёмная комната: за один час из тебя сделают нового человека, а за два — разберут по косточкам.

Мо Хэмяо промолчал. Опять он несёт какую-то околесицу.

Он велел слугам купить Мо Сюню цукатов и принялся наблюдать, как тот с аппетитом уплетает сладости. Внезапно Второй брат произнёс:

— Странно.

Фан Лин, почуяв неладное, незаметно положил ладонь на рукоять короткого клинка.

— Что странного?

Мо Хэмяо с сухим щелчком раскрыл веер и принялся лениво обмахиваться:

— Странно то, что я ведь должен его ненавидеть.

Пять лет назад во время осенней охоты Мо Сюнь подстроил пакость, подстрелив его коня. Он рухнул на землю, и копыто зверя раздробило ему правую голень. Кость не переломилась окончательно, но нога с тех пор почти не служила. И сейчас его правое подколенье было заметно тоньше левого. В сырую погоду или после долгой ходьбы оно горело огнём.

Разумеется, он должен был ненавидеть Мо Сюня. Но не этого Мо Сюня, который ничего не помнит. Напротив, он чувствовал к нему странную симпатию. Ему было до того весело бродить с ним по рынку и слушать его бредни, что гнев уступал место какому-то болезненному любопытству.

Улыбнувшись, Мо Хэмяо снова легонько стукнул принца веером по макушке:

— А ну, назови меня вторым братом.

Мо Сюнь радостно захлопал в ладоши:

— Второй брат — молодец, Второй брат — удалец, Второй брат — великий мудрец!

Мо Хэмяо: «...»

Фан Лин снова поперхнулся чаем и принялся вытирать стол.

Они провели в чайной ещё немного времени, а когда начало смеркаться, принца в целости и сохранности вернули во дворец. Мо Сюнь, едва переступив порог, пластом рухнул на кровать. Пока они гуляли, он не чувствовал усталости, но теперь ноги налились свинцом.

Мечтая о горячей ванне, он позвал Ян Ло, но та выглядела крайне растерянной.

— Маленький принц... — пролепетала она. — Горячей воды нет... И еды тоже не осталось.

Мо Сюнь замер, глупо хлопая глазами:

— А?

— Сама не пойму почему, — сокрушалась служанка. — Ранее Главный евнух прислал людей забрать наши угли и велел закрыть малую кухню. Ещё велел передать: если Маленький принц недоволен, пусть идёт и говорит с ним лично.

Ян Ло выглядела так, будто вот-вот расплачется. Мо Сюнь снова протянул озадаченное «А». Он сидел неподвижно так долго, что служанка испугалась, не заснул ли он с открытыми глазами. Наконец он зашевелился.

— Гу Суйчжи — очень плохой дядя.

Он вскочил и помчался к выходу:

— Пойду поговорю с ним по совести.

— Хозяин, — негромко доложил Фэн Ван. — Маленький принц изволил прибыть.

— Знаю.

Гу Суйчжи отложил кисть и замер в ожидании. Вскоре в коридоре послышались лёгкие, торопливые шаги. В следующее мгновение в дверях показался Мо Сюнь.

Гу Суйчжи окинул его взглядом. Сегодня принц был одет проще обычного: ни вышивки, ни драгоценных камней. Это только подчеркивало его природную красоту. Густые чёрные волосы, небрежно рассыпанные по плечам, местами забавно топорщились — настоящий взъерошенный котёнок.

Улыбка на лице Гу Суйчжи стала шире.

— Отчего Маленький принц почтил меня своим визитом?

— Учёные говорят, — начал Мо Сюнь с самым серьёзным видом, — что ванна ускоряет кровообращение, очищает кожу и улучшает метаболизм. А ещё ванна улучшает сон и помогает снять стресс. — Он строго нахмурился: — А ты мне мыться не даёшь.

Гу Суйчжи привычно отфильтровал бессмыслицу и вычленил главное.

— Я лишь хотел увидеть своего непослушного зверька, — усмехнулся он. — А поскольку я умом не блещу, ничего лучше не придумал, как лишить его еды и воды.

Мо Сюнь подошёл ближе и покровительственно похлопал Главного евнуха по плечу.

— Многие и не догадываются, что они глупые, — сочувственно вздохнул он. — А раз ты это понимаешь, значит, ты уже умнее большинства! Молодец!

Гу Суйчжи: «...»

Пользуясь моментом, он перехватил запястье юноши и, как и прежде, зажал его ноги своими, лишая возможности пошевелиться.

— Кто я?

— Гу... Гу Суйчжи.

— А кто такой Гу Суйчжи?

Мо Сюнь прекрасно понимал, что тот снова ждёт слова «Хозяин». Решив прикинуться полным профаном, он выдал:

— Кто же это? Самому интересно...

Пальцы Чжанъиня сжались на запястье чуть сильнее.

— Называй меня хозяином.

Мо Сюню ничего не оставалось, как подчиниться:

— Хозяин.

— Вот так-то лучше, — кивнул Гу Суйчжи. — Вижу, прогулка со Вторым принцем и молодым маркизом удалась на славу? Со мной Маленький принц никогда не был так ласков.

Когда он узнал, что Мо Сюнь ходил с ними в ресторан, он почувствовал лишь лёгкое раздражение. Но известие о том, что принц кормил их бататом и разминал Мо Хэмяо ноги, привело его в бешенство. Кто в этом дворе оберегает его, если не я? Отчего же он не мне разминает ноги и не меня кормит с рук?

Он невольно погладил большим пальцем кожу на запястье юноши.

— Ты что, ревнуешь? — раздался бесстрастный голос Мо Сюня.

— Ревную? Само собой.

Гу Суйчжи не стал отпираться, ему было любопытно, что ответит этот дурачок.

— Ну, тогда не ревнуй, — посоветовал Мо Сюнь.

Гу Суйчжи замолчал. Зря он спросил.

— И что мне сделать, чтобы перестать ревновать? — поинтересовался евнух.

Гу Суйчжи на мгновение задумался, и в его глазах вспыхнул азарт.

— Позвольте мне самому искупать вас, Ваше Высочество.

Он выглядел настолько воодушевлённым, что Мо Сюнь невольно вспомнил щенков в доме своей бабушки — те смотрели на мир точно так же. Всеми силами старались затащить кого-нибудь в воду.

Понимать-то он понимал, но ответ последовал незамедлительно:

— Нет!

Гу Суйчжи прищурился:

— Нет?

— Нет! Это против мужской добродетели!

— Что ж, я не люблю принуждать, — мягко произнёс евнух. — Только вот зачем мне держать при себе непокорного зверька? — Он принялся лениво постукивать пальцами по подлокотнику. — Интересно, где и когда завтра поутру обнаружат мизинец Вашего Высочества? Или вашу ногу? А может, и голову?

— Слушай, я тебя познакомлю с одним приятелем, его Ганнибал зовут. Вы быстро найдёте общий язык.

Гу Суйчжи вскинул бровь:

— Кто это? Кто-то из дворцовых?

— Слышал, на кухне ошивается, — буркнул Мо Сюнь. Он ухватил евнуха за рукав, пытаясь сторговаться: — Ладно, давай ты мне хотя бы голову помоешь.

Чжанъинь знал, что после того как принц ударился головой, он перестал подпускать к себе слуг. Поразмыслив, он нехотя согласился. Велел принести горячей воды и усадил Мо Сюня в кресло, заставив откинуть голову.

Сам он медленно закатал широкие рукава, обнажая предплечья. Под бледной, точно холодный нефрит, кожей отчётливо проступали тонкие вены.

— Не дергайся.

Мо Сюнь заворуженно смотрел на его руки, но после окрика послушно замер. Гу Суйчжи устроился перед ним и бережно погрузил его волосы в таз. В воде плавали лепестки хризантемы, веточки мяты и других трав. Пряди волос, точно чёрный шёлк, переплелись с ними. У Мо Сюня были очень густые волосы — Гу Суйчжи попытался обхватить их одной рукой, но не смог.

Усмехнувшись, он тщательно смочил каждую прядь и взял баночку с благовонной мазью. В комнате тут же разлился густой аромат холодной сливы. Мо Сюнь удивлённо распахнул глаза:

— Это же пахнет тобой!

— Тебе нравится? — спросил евнух, втирая мазь в волосы.

Несмотря на горячую воду, пальцы его оставались ледяными. Когда они случайно касались ушей или шеи, Мо Сюнь вздрагивал. Заметив это, Гу Суйчжи нарочно прижал ладонь к его затылку. Юноша подскочил на месте, точно ужаленный:

— Холодно!

Гу Суйчжи негромко рассмеялся. Мо Сюнь лишь угрюмо подумал, что в этом мире слишком много злых людей. После этого он был начеку, но евнух больше не проказничал, старательно закончив дело.

Он промывал каждую прядь так тщательно, что пришлось пять раз менять воду. У Мо Сюня уже затекла шея, когда Гу Суйчжи наконец закончил.

— Сядь прямо.

Юноша выпрямился, и евнух принялся вытирать его волосы мягким полотном. Настроение у него явно улучшилось — он даже принялся что-то тихо напевать. Мо Сюнь не остался в долгу:

— Над горами Умэн облака в вышине! Светит месяц в речной глубине!

Гу Суйчжи: «...»

— Замолчи.

Эх. Трудно общаться с теми, кто не ценит «Феникс Легенд».

— Скоро ты там? — проворчал Мо Сюнь.

— Волосы нужно вытереть насухо, иначе застудишь голову, — наставительно произнёс Гу Суйчжи. Он неспешно продолжал своё занятие, пока каждая прядь не стала сухой. — Вот теперь готово.

Он развернул принца к себе за плечи и с довольной улыбкой оглядел свою работу. Чёрные волосы теперь сияли в свете свечей, а непослушные вихры наконец усмирились.

Нинчжоу. Двадцать седьмой год правления императора Лунъань. Зима.

Небо над городом затянуло свинцовыми тучами. Стая воронов, пролетев над бесчисленными теремами, опустилась у крохотного окошка. Внезапно изнутри донёлся свист плети, рассекающей воздух. Птицы, испуганно захлопав крыльями, скрылись в снежном вихре.

— Я не знаю, где скрывается молодой господин! Мо Сюнь! Ты, предательская псина, бросившая старого хозяина...

— Тебе не вытянуть из меня ни слова!

Перед дыбой на стуле вольготно расположился Мо Сюнь. Он неспешно потягивал горячий чай, и за густым паром нельзя было разобрать выражение его лица. Внезапно он коротко рассмеялся и резким движением выплеснул кипяток прямо на пленника. В воздухе тут же смешались запахи ошпаренной плоти и крови.

Когда туман рассеялся, открылось лицо необычайной красоты. В тусклом свете масляной лампы кожа казалась чистейшим белым нефритом. Тонкий разрез глаз, крохотная родинка под правым веком — истинный лик небожителя. Взор Мо Сюня, полный холодной насмешки, скользнул по корчащемуся человеку. В этот момент за спиной скрипнула дверь.

Он обернулся. В темницу въехал слуга, толкавший впереди себя инвалидное кресло. В кресле сидел статный мужчина, но взгляд его был пуст — он бережно прижимал к себе потрепанного трипичного тигра. Заметив Мо Сюня, он просиял и радостно захлопал в ладоши.

Вместо ног под краем одежды зияла пустота.

Мо Сюнь присел рядом, поправил ему воротник и строго спросил слугу:

— В такой мороз... зачем ты привёз сюда старшего брата?

Тот рухнул на колени, не смея поднять глаз.

— А-Чжо, не сердись на него, — поспешно вмешался Юй Хун, поглаживая Мо Сюня по голове.

— Я соскучился! Ты так давно не играл со мной...

— Мы ведь вместе обедали, — мягко возразил Мо Сюнь.

С того времени не прошло и пары часов. Юй Хун тут же разрыдался:

— Всё равно долго! Тебя нет, в комнате холодно, поговорить не с кем... Ты вдруг пропал, я

езде тебя искал, пока Мицзю не сказал, что ты снова «ушёл под землю».

Так он называл посещение темницы. Мо Сюнь принялся утешать брата:

— Будь умницей. Закончу дела и сразу приду к тебе.

Юй Хун мгновенно успокоился. Мо Сюнь махнул рукой слуге, веля убираться. Когда тот скрылся, в подземелье остались лишь трое.

Мо Сюнь поправлял меховую оторочку на плаще брата, когда услышал хриплый смех пленника. Тот внезапно выплюнул вместе с кровью:

— Твой брат заслужил это! Весь ваш род Юй — стая паршивых псов! Тогда... тогда я лично ловил его! Ха-ха-ха!

Юй Хун затих, опустив голову и безучастно теребя своего тигра. Мо Сюня гнев не коснулся. Он взял пленника за подбородок и принялся размазывать кровь по его впалым щекам. Наклонившись к самому уху, он прошептал:

— Ты — преданная псина, но что-то я не вижу, чтобы Бу Нунда спешил тебя спасать.

Человек в ярости попытался укунить его, но Мо Сюнь молниеносным движением выхватил кинжал и отсек ему язык. Истинный демон под маской святого.

Кровь брызнула во все стороны. Мо Сюнь бесстрастно взял раскалённое клеймо и вогнал его в раскрытый рот врага. Раздалось шипение прижигаемой плоти. Несколько капель крови попали ему на щеку, подчеркивая мертвенную бледность кожи. Пленник забился в конвульсиях, не сводя налитых кровью глаз с Юй Хуна. В этом взгляде читалось безумное торжество.

В следующий миг Юй Хун медленно поднял голову. Взгляд его был ясен и холоден. Пленник замер, словно увидел выходца с того света.

— Ты спрятал семью в Линчэне, доверив их Бу Нунде, — неспешно произнёс Юй Хун. — Ты так верно служил ему... Но знаешь ли ты, что стоило тебе попасть в наши руки, как он велел перерезать глотки твоей жене, дочери и старухе-матери?

Глаза пленника расширились, он задрожал всем телом. Из горла вырвался хрип, цепи загремели под его неистовыми рывками. Но силы быстро покинули его, голова бессильно упала на грудь, и всё затихло.

Мо Сюнь равнодушно смотрел на остывающее тело. Тщательно вытерев окровавленные пальцы платком, он услышал за спиной усталый вздох брата:

— А-Чжо, не стоило так горячиться.

— Раз он посмел вспомнить то, что сделал с тобой, он уже был мертвецом, — отрезал Мо Сюнь.
— К тому же... неужели ты думал, что под пытками он выдал бы логово Бу Нунды? Если бы тот хоть немного доверял ему, он не стал бы вырезать его семью.

Бу Нунда слишком хитёр, чтобы раскрывать свои планы. Юй Хун лишь вздохнул. Ниточка снова оборвалась.

Мо Сюнь подошёл к брату и подал ему чашку горячего чая:

— Брат, судьба сама идёт к нам в руки. Старый император велел мне явиться к нему.

Пальцы Юй Хуна, сжимавшие чашку, едва заметно дрожали.

— А-Чжо, этот указ... Слишком внезапно. Завтра ты уедешь в Сюаньду, и кто знает, когда мы увидимся. Брат лишь надеется, что ты будешь в безопасности.

— Не тревожься, — Мо Сюнь склонился к его уху. — Я не дам ему умереть просто так. Я заставлю его платить за каждое его злодеяние — медленно и мучительно.

Юй Хун поднял взгляд на брата:

— Будь осторожен.

— Само собой. Твоя безопасность для меня важнее всего. Пока меня нет, не смей выходить один. Если захочется прогуляться — пусть «Юй Лянь» и Митан сопровождают тебя.

Юй Хун кивнул. Мо Сюнь взялся за ручки кресла и медленно покатил его к выходу. Когда они приблизились к дверям, Юй Хун снова крепко прижал к себе куклу, и в его глазах появилось привычное бессмысленное выражение.

Перед тем как распахнуть двери, Мо Сюнь тихо добавил:

— Сегодня вечером я навещу А-Ляня.

Его слова утонули в завываниях северного ветра.

В резиденции хоу Фунань с приходом ночи воцарилась гробовая тишина.

Мицзю вечером пришлось разбирать вещи господина для поездки в Сюаньду. Заметив, что в покоях Мо Сюня погас свет, он решил, что тот лёг спать. Но Мо Сюнь уже покинул комнату через окно.

Он бесшумно пробрался в покои Юй Ляня. Там было пусто и темно. Ступая по мягкому ковру, он подошёл к письменному столу и в слабом свете луны коснулся кисти, лежавшей на подставке.

Мо Сюнь долго стоял молча. Наконец он спрятал кисть за пазуху и перемахнул через стену поместья.

Он стремительно направился на юго-запад. У огромного платана он остановился, тяжело дыша. Здесь они с Юй Лянем играли в детстве, когда резиденция хоу Фунань была в самом расцвете. Тогда их отец, Юй Цзюэ, помог императору захватить Нинчжоу и другие города. Благодарный монарх даровал ему титул хоу.

Но после трагедии тринадцатилетней давности бывшее величие померкло. И сейчас жители Нинчжоу всё ещё выказывали почтение семье Юй только из-за Мо Сюня. Никто не хотел переходить дорогу Сюэ Гуаньинь.

Юноша отёр лицо. На нём всё ещё алели капли крови. Высокий, статный, с растрепавшимися волосами — сейчас он меньше всего походил на изнеженного господина.

Он подошёл к едва заметному холмику под ветвями дерева и опустился на колени.

— Бу Нунда бежал на север. Брат уже отправил туда людей. В Сюаньду я наверняка найду зацепку. Старый император и не подозревает, что я знаю правду. Свадьба — это дар небес. Обещаю тебе: не пройдёт и трёх лет, как его кровь окропит полы дворца.

Мо Сюнь замолчал. Помедлив, он достал кисть, обмакнул её в ночную росу и вывел на земле шесть знаков:

«А-Лянь, с днём рождения».

Закончив, он долго стоял под деревом, глядя в ночное небо. Снежинки таяли на его щеках. В эту тихую зимнюю ночь никто не знал, что под старым деревом празднуют день рождения, на котором некому веселиться. Праздник, принадлежащий лишь двоим братьям-близнецам.

Когда забрезжил рассвет, надпись на холмике окончательно исчезла. Мо Сюнь повернулся и ушёл.

— Заходи уже, — бросил он. — Хочешь, чтобы твой хозяин здесь окошел?

Мицзю юркнул в тёплый паланкин и принялся разминать господину ноги.

— Хозяин, — вполголоса начал он, — вести из дома Гу такие: вернулся только Гу Суйчжи, его старший брат Гу Хуньюй всё ещё в Цинчжоу.

Младшему брату нынешнего маркиза Чжэньбэй едва исполнилось девятнадцать. Лишь в прошлом году он официально возглавил войско, но уже успел одержать с десяток побед. Он не только вернул утраченные земли, но и уничтожил сына вождя племени Баргу, заставив двенадцать племён Шобэя подписать мир.

Сюаньду ликовала. Император осыпал молодого полководца наградами, и имя Гу Суйчжи гремело по всей империи. Слава его и верность народа армии стали настолько велики, что это начало внушать опасения. Не дожидаясь окончательного договора, Гу Суйчжи велели немедленно явиться в столицу.

Мо Сюнь отправил в рот кусок лепешки.

— Говорят, его брат Гу Хуньюй был ранен стрелой три месяца назад и с тех пор не показывается. Что с ним?

Мицзю покачал головой:

— Вести из Цинчжоу не выходят, всё под запретом.

— Пустяки, — хмыкнул Мо Сюнь, принимаясь писать записку. — Рано или поздно узнаем. Кто ещё с ним приехал?

— Сыновья Сюй из охраны Чжэньбэйского войска.

— Значит, в Цинчжоу остались одни старики? А ведь с племенами Шобэя ещё не всё гладко, — Мо Сюнь усмехнулся. — За столько лет этот «мудрый» монарх ничуть не изменился.

Он быстро закончил письмо и передал его слуге:

— Отправь брату немедля.

Мицзю уже собрался уходить, когда Мо Сюнь задумчиво добавил:

— Старик затеял эту свадьбу неспроста. Он всё ещё хочет проверить меня и желает держать под боком.

Юноша откинулся на подушки.

— Жаль этого малого, Гу Суйчжи. Совсем ещё юнец, а уже впрягли в ярмо. Расскажи-ка, что он за человек?

— Шпионы доносят, что он храбр в бою, но душой чист и простодушен.

— Чист душой? — Мо Сюнь не удержался от смеха. — На такой высоте не бывает простодушных. Наверняка волк в овечьей шкуре.

Он выглянул в окно на заснеженные горы.

— Интересно, он уже знает о свадьбе? Хотел бы я видеть его лицо в этот миг.

В это время в императорском дворце разыгрывалась сцена, столь интересовавшая Мо Сюня.

Сюаньду засыпало снегом. Старый император велел набить жаровни лучшим углём. Он отдыхал в Зале Возвращения Сердца, прикрыв глаза, а рядом замер молодой евнух.

— Скоро он будет?

— Государь, — почтительно отозвался Хун Бао, — он ждёт под дверью уже полчаса.

Император Лунъань медленно кивнул:

— Пусть входит.

Хун Бао отворил тяжёлые двери. В зал вошёл молодой генерал, принеся с собой запах мороза. Он опустился на колени. Император положил руку ему на плечо.

— Мой мальчик, наконец-то ты вернулся! Я так скучал по тебе... Встань скорее, дай мне на тебя посмотреть.

Гу Суйчжи поднялся.

— Ты совершил великий подвиг, — продолжал император. — Я должен был сам встретить тебя, но недавняя простуда лишила меня сил. Прости старика, что заставил тебя ждать.

По знаку государя Хун Бао подал генералу чай и бесшумно вышел.

— Государь шутит, — отозвался Гу Суйчжи. — Ваша забота для меня — высшая награда.

— Ты истинный герой, и я щедро награжу тебя! — Император улыбнулся ещё теплее. — Но кроме этого... ты так долго пробыл на границе. Я беспокоюсь о твоём будущем. Я долго размышлял и решил: второй наследник из дома Фунань, Мо Сюнь, в этом году отмечает двадцатипятилетие. Он юноша живой и весёлый. Знаешь о нём? С ним тебе не придётся скучать. Я решил отдать его тебе в мужья. Согласен ли ты?

Гу Суйчжи замер. Он едва сдержал порыв поднять взгляд. В голове промелькнуло лицо брата. Слово «нет» застряло в горле.

Он снова рухнул на колени, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ваша милость безгранична, — выдавил он. — Как я могу быть не согласен?

Император радостно рассмеялся:

— Вот и славно! Отпразднуем свадьбу в самый канун Нового года.

Когда стемнело, генерала отпустили. Хун Бао услужливо набросил ему на плечи плащ, но даже его тепло не могло согреть ледяную пустоту в душе Гу Суйчжи.

У дворцовых ворот его ждали Сюй Ичжи и верный Ци Хун.

Заметив хозяина, они бросились навстречу. Ичжи с детским любопытством спросил:

— Генерал! Чем наградил вас государь?

Гу Суйчжи поднял с земли снежок и горько усмехнулся:

— Свадьбой.

Мальчишка едва не лишился дара речи:

— А? С кем?

Гу Суйчжи раздавил снег в кулаке и молча вскочил в седло.

Ночь была холодной, и на сердце у него было так же беспросветно. Он пустил коня в галоп, надеясь, что бег утихомирит бурю в груди. Остановившись, он оглянулся на друзей. Император решил привязать его к себе, он знал это... Но почему именно свадьба? И почему именно старший брат Юй Ляня?

Пять дней спустя снег всё ещё шёл, но весть о союзе уже облетела всю столицу. В ворота Сюаньду въехал небольшой караван, во главе которого ехал статный всадник — Мо Сюнь.

Он натянул поводья, взял из рук слуги засахаренный плод, но поморщился от приторной сладости. Лениво оглядывая город, он встретился взглядом с какими-то девушками и одарил их ослепительной улыбкой. Мицзю, увидев этот оскал, невольно вздрогнул.

Мо Сюнь спрыгнул с коня и подошёл к прохожему. Сунув ему в руки блюдо с фруктами, он спросил:

— Любезный, не подскажешь дорогу к Ресторану Фаньцзинь? Говорят, кухня там отменная.

Прохожий окинул всадника взглядом, решив, что перед ним гуляка, но дорогу указал.

Мицзю запричетал:

— Хозяин, мы только прибыли... Неужели сразу в вертеп?

— Я не говорил, что пойду сегодня, — бросил Мо Сюнь, вскакивая в седло. — Пойду на следующий день после свадьбы.

Караван свернул с главных улиц и через полчаса добрался до резиденции хоу Фунань. Каменные львы у ворот почти скрылись под снегом, а вывеска треснула.

— Тьфу, — сплюнул Мо Сюнь. — Словно на поминки приехал. Очистите всё тут за полдня.

Сам он забрался в паланкин и уснул.

Путь до столицы был долгим. Мо Сюнь купил у торговца пару фиников.

«Пусть хотя бы сегодня будет сладко», — подумал он.

В резиденции его уже ждал Юй Хун. Он улыбался, глядя на брата. За его спиной стоял человек, похожий на Мо Сюня, но тот лишь молча сверлил взглядом землю.

— «Юй Лянь», — негромко произнёс Мо Сюнь. — Береги брата, пока меня нет.

Тот лишь закивал.

— Хозяин, когда отправляемся во дворец? — спросил Мицзю.

Указ о свадьбе ещё не был обнародован, так что всё держалось в секрете. Мо Сюнь вскочил на коня:

— Сейчас.

— А-Чжо! — донёсся голос Юй Хуна. — Сегодня твой день рождения! Возвращайся скорее!

Мо Сюнь не обернулся. Он лишь бросил брату финик. Поймав его, Юй Хун почувствовал, что плод ещё хранит тепло ладони. Его пальцы обожгло этим теплом. Он быстро запихнул финик в рот:

— Сладко! Брат лучший!

Гу Суйчжи сиял от удовольствия.

— Проголодался? — спросил он.

Не дожидаясь ответа, он велел подать обед и принялся кормить Мо Сюня с рук. Юноша заметил, что при каждом его глотке кадык евнуха тоже едва заметно дёргается.

«У него что... фетиш такой?» — Мо Сюнь задумался. Чем больше он смотрел на Гу Суйчжи, тем больше убеждался в своей догадке.

«Брат, ну ты и извращенец».

Взгляд его потемнел, и он, словно не выдержав, выпрямился; в его пальцах блеснула сталь. Линь Му мгновенно заметил это и перехватил его руку:

— Вы ведь обещали не делать ничего без моего согласия. Решили нарушить слово?

— Старший?.. — прошептал тот.

Гу Суйчжи с неохотой погасил сияние в пальцах.

<http://bllate.org/book/15862/1440035>